РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

06.05.2006

НАЗАД В БУДУЩЕЕ, ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УРОКИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

№2 2006 Март/Апрель

ВИТАЛИЙ ШЛЫКОВ

1934–2011

Член Совета по внешней и оборонной политике, в начале 1990-х годов заместитель председателя Государственного комитета РСФСР/РФ по оборонным вопросам.

60 лет назад, 5 марта 1946 года, Уинстон Черчилль, в ту пору уже бывший премьер-министр Великобритании, произнес в американском городе Фултоне речь, которую считают объявлением холодной войны. Черчилль заявил, что установление «железного занавеса» привело к идеологическому разделу Европы, и призвал сплотиться для противостояния коммунистической угрозе.

Сталина это выступление не застало врасплох, ибо о необходимости готовиться к новой войне он заявил еще месяцем ранее. В своей речи на предвыборном собрании избирателей 9 февраля 1946-го советский лидер подчеркнул: «Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей».

Черчилль, конечно же, понял, чтЧ на самом деле имел в виду Сталин. По опыту прошедшей войны ему было известно: чем больше производится топлива и металла, тем значительнее объемы оружия, которое можно произвести. Еще лучше это знал Сталин. Ведь несмотря на колоссальный урон, понесенный Красной армией в результате вторжения гитлеровских войск, советская промышленность произвела вооружения намного больше, чем германская.
Более высокая производительность советской промышленности по сравнению с германской объяснялась эффективностью системы мобилизационной подготовки в Советском Союзе. В основу ее еще с конца 1920-х годов была положена соответствующая американская модель, предусматривавшая, что производство вооружения базируется прежде всего на использовании технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции. К примеру, трактора и автомобили конструировались так, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать в танках и самолетах. Немецкий же подход предполагал создание специализированных военных производств. Война подтвердила преимущества американо-советской модели.

МОБИЛИЗАЦИЯ ПО-СОВЕТСКИ

Неудивительно, что после 1945-го довоенная система мобподготовки – развитие базовых отраслей экономики (металлургия, ТЭК и т. д.) вместо форсирования военного производства и увеличения численности армии – была полностью восстановлена. Численность армии сократили с 11 млн до 2,7 млн человек в 1947 году, а военную промышленность решительно конвертировали в гражданское производство. Доля военной продукции в валовой промышленной продукции сократилась до 3,3 % по сравнению с 6,9 % в довоенном 1940-м.

Появление впоследствии ядерного и ракетного оружия потребовало совершенно новых сплавов и материалов. Задания на их выпуск ставились не только в целях удовлетворения потребностей текущего производства, но и с учетом создания мобилизационных мощностей на случай новой войны. Так, по данным академика Николая Лавёрова, к началу 1970-х годов СССР добыл 740 тыс. тонн урана – больше, чем все страны мира, вместе взятые.

Однако выделение огромных ресурсов на создание ракетно-ядерного оружия не привело ни к сокращению выпуска традиционного вооружения, ни к урезанию мобилизационных мощностей по его созданию. Вопреки распространенному на Западе мнению высший советский генералитет отнюдь не считал, что Советский Союз обладал военным превосходством над противником. Боязнь огромных мобилизационных мощностей, якобы имевшихся в США и других странах НАТО и к тому же находившихся, согласно докладам ГРУ Генштаба, в состоянии повышенной готовности, являлась решающим фактором постоянного роста производства вооружений в СССР. Американцам же, похоже, и в голову не приходило, что в основе советских усилий по наращиванию вооружений лежит не стремление подготовиться к наступательной войне, а неуверенность в собственных силах и прежде всего страх перед колоссальными мобилизационными возможностями Запада.

Желая ни в чем не отставать от американцев, Советский Союз пытался уравнять собственные мобилизационные мощности с воображаемыми американскими. (Начальник Военной академии бронетанковых войск генерал-полковник Вячеслав Гордиенко заявил в 1991-м, что «при мобилизационном развертывании – в течение полугода – промышленность США способна строить по 50 тыс. танков в год».) В итоге возникла абсурдная ситуация. Советская экономика давно уже перевыполнила задание Сталина 1946 года по производству стали, угля и нефти. И тем не менее она испытывала дефицит во всех этих материалах и лихорадочно стремилась произвести их как можно больше. В то время как колхозные поля были усыпаны миллионами тонн деталей от сломанных тракторов фактически «одноразового использования», заводы увеличивали их производство. Из года в год все более металлоемкими становились промышленное оборудование и станки. Водители грузовых автомобилей сливали в канавы миллионы тонн горючего, чтобы заработать несколько лишних рублей (их зарплата зависела от выполнения плана по километражу, а последний должен был соответствовать затраченному горючему). Вдоль железных дорог громоздились горы гибнувших под дождем удобрений, ибо фабрики по их производству строились и поддерживались в действующем состоянии в первую очередь в качестве сырьевой базы для промышленного производства боеприпасов.

Культовое отношение к мобилизационной подготовке унаследовали и Михаил Горбачёв, и даже либералы-реформаторы 1990-х. 18 апреля 1991 года, фактически на пике развала советской экономики, Горбачёв подписал указ «О неотложных мерах по улучшению мобилизационной подготовки страны», в котором предупреждал о персональной ответственности руководителей за состояние мобподготовки подведомственных им структур и требовал недопущения разрушения имеющейся системы мобилизационной подготовки. В начале декабря того же года Госкомитет РСФСР (впоследствии РФ. – В.Ш.) по оборонным вопросам, в котором автор этих строк работал заместителем председателя, получил подписанный Егором Гайдаром проект постановления правительства о финансировании мобподготовки, слово в слово повторявший старые проекты Госплана СССР. Считая, что кто-то

подсунул неопытному главе правительства старый текст, мы направили довольно резкий отзыв на него. И получили не менее резкую отповедь от Гайдара, указавшего на «роль мобилизационной подготовки народного хозяйства в обеспечении обороноспособности государства».

Не заинтересовалось вопросами реформирования мобподготовки и правительство Виктора Черномырдина. И лишь на заседании Совета обороны Российской Федерации в ноябре 1997 года выяснилось, что до сих пор основным руководящим документом по мобподготовке экономики остается разработанный еще в 1986-м мобилизационный план, в котором, в частности, оговаривались поставки армиям стран – участниц давно ликвидированного Варшавского договора. Этой проблемой правительство занялось лишь после того, как президент Владимир Путин на заседании Совета безопасности РФ 27 ноября 2001 года заметил, что «наша экономика перестала быть директивно-плановой, а мобилизационные правила действуют еще со времен царя Гороха» и что структура мобмощностей в оборонно-промышленном комплексе (ОПК) непомерно раздута. Уже в марте 2002-го тогдашний вице-премьер Илья Клебанов объявил, что мобмощности будут сокращены «в несколько раз».

Это не означает, конечно, что огромные советские мобилизационные резервы и мощности сохранялись до 2002 года. На самом деле они давно перешли в частные руки или были израсходованы.

ОШИБОЧНЫЙ ДИАГНОЗ

Широко распространено мнение, что российское руководство унаследовало от Советского Союза разоренную страну. В действительности же России достались огромные материальные ценности, и именно за счет этого наследства, а вовсе не благодаря «высвобожденной энергии рынка» появились и валютные запасы государства, и полные прилавки, и многомиллиардные личные рублевые состояния, и даже пара десятков миллиардов долларов в чулках и матрасах простых россиян.

Все это оказалось лишь следствием стихийного вовлечения в рыночный оборот так называемых государственных резервов, накопленных СССР за долгие годы интенсивной подготовки экономики к войне. Они накапливались прежде всего в виде запасов продовольствия, медикаментов, топлива, металлов, лесоматериалов, оборудования, железнодорожных рельсов, подвижного состава и т. п. Кроме того, создавались собственно мобилизационные запасы – сырья, оборудования, комплектующих изделий, – предназначавшиеся исключительно для производства конкретных образцов вооружения и хранившиеся на предприятиях, призванных выпускать данные вооружения
в случае мобилизации.

Объемы запасов соответствовали мобпланам, предусматривавшим выпуск в первый же год мобилизации десятков тысяч танков, самолетов, миллионов тонн боеприпасов и пр. И хотя они рассчитывались не в денежном выражении, а в физических величинах – танках, штуках и др., их стоимость составляла десятки миллиардов долларов.

Еще одним, полуофициальным, а зачастую и просто неофициальным, способом накопления материальных резервов в экономике было создание директорами промышленных предприятий собственных, не учтенных государством запасов, в частности, сырья, топлива, инструментов на черный день.
Основные же доставшиеся России мобилизационные ресурсы – это производственные мощности, созданные на случай войны в сырьевых и базовых отраслях промышленности. Хотя «оборонка» всегда имела приоритет в доступе к людским и материальным ресурсам, основные инвестиции шли все же не в оборонную промышленность, а на развитие базовых отраслей и сырьевого сектора и обслуживающего их транспорта. Если в 1960-х — начале 1970-х годов доля инвестиций в

ТЭК составляла 10 %, то в 1980-м он стал поглощать 12 %, а в 1986–1990 годах — 14 % от их общего объема. На долю транспорта к середине 1980-х пришлось 12,4 % общего объема инвестиций, в то время как в 1960-х — начале 1970-х годов этот показатель находился на уровне 10 %. По производству титана СССР опередил все страны мира, вместе взятые. Рост инвестиций в сырьевые и базовые отрасли происходил, естественно, в ущерб другим производствам, и прежде всего выпуску потребительских товаров. В результате спрос на последние, сравнительно сбалансированный вплоть до 1970-х годов, перестал удовлетворяться за счет собственного производства. Бывший первый вице-премьер Советского Союза Владимир Щербаков так описывал
сложившуюся во второй половине 1980-х ситуацию: «Продукт конечного потребления — попросту говоря, товары на прилавках — составлял лишь около 20 % валового внутреннего продукта СССР... 80 % наших рабочих производили промежуточные продукты, которые непосредственно в народное потребление не идут, — руду, металл, уголь и прочее, а также вооружение. Человек производил танк и получал зарплату, на свои деньги хотел купить товар, но он не произвел этот товар».

Попытки компенсировать импортом нехватку потребительских товаров вызывали еще бЧльшую разбалансированность экономики. Импорт зерна, а затем и ширпотреба, начавшийся в 1970-е годы и в свою очередь стимулировавший экспорт нефти и газа, противоречил самой модели советского военного хозяйства, которая изначально разрабатывалась как замкнутая и самообеспечивающаяся. В результате возникали розничные «дефициты», стабильность цен сменилась на их рост, а на место предельно жесткой монетарной политики пришли денежная эмиссия
и обесценивание рубля.

С началом перестройки и большинство экономистов, и политики, и средства массовой информации принялись объяснять все беды нашего хозяйствования непомерными тратами на вооружения. Но официальные данные Госплана свидетельствуют о том, что в конце 1980-х в оборонной промышленности было занято 9,5 млн человек из 130 млн занятых в советской экономике. По некоторым оценкам, только один металлургический комплекс потреблял больше ресурсов, чем вся военная промышленность.

Ошибочный диагноз неминуемо означает неадекватное лечение. Объявив военно-промышленный комплекс (ВПК) виновным в расстройстве
экономики, Михаил Горбачёв решил сократить закупки вооружения (на 10–20 %) и приступить к конверсии «оборонки». Но все мощности, высвободившиеся в результате сокращения закупок оружия, были тут же переведены в разряд мобилизационных и тем самым омертвлены. Что касается принятой в декабре 1990-го пятилетней программы конверсии, она предусматривала создание при предприятиях ВПК новых мощностей по производству гражданской продукции (40 млрд рублей на производство новой продукции и 36 млрд рублей на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, НИОКР), то есть выделение новых ресурсов в и без того разбалансированной и страдавшей от «дефицитов» экономике, причем в итоге планировалось всего лишь удвоение производства гражданской продукции на предприятиях ВПК. Однако самым неудачным шагом Горбачёва, пожалуй, стал подписанный им 16 мая 1991 года указ «О неотложных мерах по обеспечению стабильной работы базовых отраслей народного хозяйства», запрещавший забастовки на предприятиях угольной, нефтяной, газовой, химической и нефтеперерабатывающей промышленности и требовавший привлечения зачинщиков забастовок к ответственности. Тем самым Горбачёв добился еще большей стабилизации в производстве продукции, и без того не находившей сколько-нибудь рентабельного сбыта.

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

После краха СССР не только население, но и военные и даже сами «оборонщики» были готовы к переводу российской экономики на мирные

рельсы. Выражая позицию многих руководителей ВПК, директор ленинградского производственного объединения «Сигнал» Валентин Занин в интервью газете «Известия» 1 апреля 1991 года заявил: «Мне, между прочим, военная техника менее выгодна, чем гражданская. Три четверти предприятий ВПК могли бы тихо, без вмешательства государства перейти частично или полностью на мирные рельсы».

Россия имела возможность опереться на американский опыт демилитаризации экономики после Второй мировой войны. Американцы демонтировали свою военную промышленность не только быстро, но и безболезненно для населения, избежав спада в экономике и взрыва инфляции. К 1948-му их военные расходы сократились до 3,2 % ВВП с 43 % в 1944 году. К этому времени из военного производства было высвобождено 12,4 млн человек. При этом безработица выросла с уровня 1,2 % в 1944-м всего до 3,9 % в 1946–1948 годах. Падение ВВП, конечно, имело место (1,9 % в 1945, 19 % в 1946 и 2,8 % в 1947 годах), но уже в 1948-м оно сменилось ростом (3,9 %). Учетная ставка ФРС, составлявшая 1 % на протяжении всей войны и первых послевоенных лет, впервые поднялась до скромного уровня в 1,34 % только в 1948 году.

Казалось бы, и СССР, и Россия имели в начале 1990-х даже более благоприятные условия для перехода к мирной экономике, чем Соединенные Штаты в 1945 году. Уровень милитаризации советского хозяйства (20 % ВВП, по оценке Горбачёва) вдвое уступал американскому (45 %). В военной промышленности у нас было занято 9 млн человек против 13–14 млн в США. Наша армия насчитывала 5 млн, в то время как американская – 13 млн военнослужащих. К тому же американцам при проведении конверсии (они употребляли термин «реконверсия») никто не помогал — наоборот, они вынуждены были поддерживать других. Нам же мир протягивал руку помощи (многомиллиардные выплаты ФРГ за вывод наших войск).

Но в Соединенных Штатах, во-первых, радикально свернули военное производство. При аннулировании заключенных ранее военных контрактов правительство быстро и без особых бюрократических процедур компенсировало до 90 % затрат, понесенных предпринимателями вследствие потери военных заказов.

Во-вторых, правительство США продало по весьма умеренной цене или передало в аренду частным фирмам большинство из 1 600 заводов, построенных государством в годы войны. Многие ненужные в мирное время предприятия (например, 51 государственный завод по производству синтетического каучука) попросту закрывались.

В-третьих, при расширении гражданского производства правительство сделало ставку на стимулирование спроса со стороны населения. В частности, общая сумма выплат демобилизующимся военнослужащим за счет федерального бюджета составила в течение трех послевоенных лет 20 млрд долларов. Еще 1,5 млрд дол. поступило из казны штатов (весь военный бюджет Соединенных Штатов в 1947-м составлял 11,7 млрд дол.).

Именно радикальное сокращение военного производства, лишившее подавляющее большинство промышленников военных заказов и вынудившее их перейти на выпуск гражданской продукции, в сочетании с опорой на спрос со стороны населения позволило США перейти с военной экономики на мирную без резкого спада, серьезной инфляции и безработицы и значительно способствовало экономической активности. Только за 1944–1948 годы расходы населения на приобретение товаров длительного пользования выросли в 3 раза, а объем жилищного строительства превысил довоенный в 10 раз.
Правительство Ельцина – Гайдара сделало все наоборот. Прежде всего оно сохранило неоправданно высокий уровень военного производства. Гайдаровский гособоронзаказ на 1992 год предусматривал поставку в войска 110 боевых самолетов (без стратегических бомбардировщиков) против 305 в 1991-м, 30 межконтинентальных баллистических ракет (43

в 1991-м), 28 стратегических ракет морского базирования (48 в 1991-м) и 8 стратегических бомбардировщиков (18 в 1991-м). Для сравнения: в 2006 году Министерство обороны не заказало ни одной морской стратегической ракеты, поручив произвести 6 межконтинентальных баллистических ракет «Тополь» и 8 боевых самолетов, включая один стратегический бомбардировщик. В 2005-м, как, впрочем, и в предшествовавшие 10 лет, вообще не было заказано ни одного нового самолета.

Надо сказать, что при обсуждении правительством (на заседании председательствовал Геннадий Бурбулис) гособоронзаказа на 1992 год военные во главе с начальником Генштаба возражали против включения в оборонзаказ межконтинентальных баллистических ракет и стратегических бомбардировщиков, прося взамен увеличить ассигнования на закупки запчастей и жилищное строительство. Но, как объяснил докладчик по проекту оборонзаказа Иван Матеров, закупки ненужного самим военным вооружения требовались для загрузки предприятий работой.

С той же целью Гайдар подписал 17 марта 1992 года госзаказ на производство оружия и военной техники на сумму 5,4 млрд дол. под якобы имевшиеся у «оборонщиков» заграничные заказы. Большинство экспортных заказов-1992 оказались липой, и продать за границу произведенного в 1992 году оружия удалось всего на 1,1 млрд долларов.

В отличие от американцев ни правительство Гайдара, ни сменившее его правительство Черномырдина ничего не предприняли для закрытия, реструктуризации или перевода в резерв излишних или незагруженных оборонных предприятий. В нынешний ОПК входят те же 1 700 предприятий, что достались России от СССР, хотя многие из них давно уже не выпускают военной продукции. Около 1 200 000 человек, занятых в российской авиакосмической промышленности, выпустили в 2000-м продукции на 2 млрд дол., в то время как авиакосмическая отрасль всей Европы, насчитывавшая 800 тыс. занятых, произвела продукции на 72 млрд долларов.

В-третьих, правительство Гайдара под корень подрубило тот ресурс, на который опирались Соединенные Штаты при переводе экономики на мирные рельсы, — покупательный спрос населения и предпринимателей на потребительские товары и производственное оборудование. Огромные средства, находившиеся на счетах населения в Сбербанке СССР, оказались просто заморожены. А те сбережения, которые граждане хранили дома, быстро съела инфляция, спровоцированная отпуском (либерализацией) цен со 2 января 1992 года.

Но решающей препоной на пути к демилитаризации российской экономики явилось снятие правительством ограничений на ввоз товаров из-за рубежа. Российским «оборонщикам», которые не могли конкурировать в производстве потребительских товаров с дешевым импортом и оказались в условиях стремительно падавшего внутреннего спроса, не оставалось ничего другого, кроме как цепляться за то, что они умели делать лучше всего, — заниматься производством оружия, хотя оно и потеряло былую рентабельность.

На самом деле высокая рентабельность советского ВПК была фикцией. Просто в течение полувека все лучшие технологии, материальные и людские ресурсы направлялись в военные отрасли. Исследования, проведенные в конце 1980-х Институтом народно-хозяйственного прогнозирования АН СССР под руководством академика Юрия Ярёменко, показали: если бы вся продукция советского машиностроения была оценена по мировым рыночным ценам, то доля вооружения в ней составила бы более 60 %, а доля товаров народного потребления не превысила бы и 5 %.

Фактически на смену милитаризованной экономике, которую можно измерить долей военных расходов и военного производства в национальном бюджете, ВВП и т. д., пришла экономика

структурно-милитаризованная. Внезапное введение рыночных цен в подобных условиях чревато разрушением всей системы технологических и финансовых связей. Эта экономика не реагирует на такие монетаристские меры, как сокращение военных закупок, и не допускает перелива ресурсов из военного в гражданский сектор. Даже полное прекращение закупок вооружения (как фактически произошло в России к середине 1990-х годов) не привело к росту эффективности гражданского сектора.

Этот парадокс объясняется тем, что в структурно-милитаризованной экономике основные средства идут не на оборонный, а на гражданский сектор ввиду его крайней запущенности. Так, для того чтобы сохранить свое убогое сельское хозяйство, Советский Союз был вынужден производить в 6–7 раз больше тракторов и в несколько раз больше удобрений, чем Соединенные Штаты.

Рано или поздно подобная экономика терпит крах, что и случилось с СССР в конце 1980-х — начале 1990-х. Советская экономика рухнула не из-за перепроизводства вооружения, а из-за перепроизводства в гражданских, прежде всего базовых и сырьевых, отраслях – точно так же, как перепроизводство вызвало Великую депрессию 1929–1933 годов в США. Не осознав этого обстоятельства, наши реформаторы направили главный удар против ВПК, как якобы источника всех бед советской экономики.

НАЧАТЬ СНАЧАЛА?

Советская экономика представляла собой пирамиду, в основании которой лежали, как их называл академик Ярёменко, «низкокачественные ресурсы» – сырье и продукция базовых отраслей (уголь, сталь, алюминий и т. п.), а также неквалифицированная рабочая сила. На вершине этой пирамиды находились передовые технологии, конструкторы, инженеры и рабочие высокой квалификации, то есть «высококачественные ресурсы». ВПК же являлся хорошо отлаженным механизмом по преобразованию низкокачественных ресурсов
в высококачественные, но предназначенные исключительно для военных нужд.
В одночасье пирамида была перевернута. Открытие границ для вывоза сырья позволило быстро снять проблему его перепроизводства. Завещанные Сталиным и приумноженные последующими правителями СССР
мобилизационные запасы были попросту выброшены на мировые рынки. Именно на распродаже подвернувшихся под «умелую» руку мобзапасов сколотили свои капиталы первые олигархи.

Бездумно выбросив за борт наш ВПК, мы потеряли не только способность к созданию новых вооружений, но и место в постиндустриальном мире. Ведь как подчеркивал Юрий Ярёменко, в советском ВПК были сконцентрированы основные составляющие современной экономики: постоянно воспроизводимый высокий уровень образования, развитая прикладная и фундаментальная наука, мощные транспортные и энергетические системы, крупные заделы в технике и технологии, сосредоточенные в оборонном комплексе. Благодаря ВПК в стране возникла и утвердилась и некая совокупность норм и ценностей буржуазного общества: конкуренция наемных работников за привлекательные рабочие места, престиж образования и квалификации. Таким образом, наш госкапитализм («реальный социализм») во многих отношениях сближался с западным капитализмом.

Реформаторы начала 1990-х утверждают, что иного пути просто не существовало. Но это не так. Наиболее известной и детально проработанной из альтернативных программ была программа академика Ярёменко, занимавшего с мая 1991 года пост экономического советника президента Михаила Горбачёва. Ученый полагал, что «трансформировать военную мощь в экономическую» надо путем направления в гражданские отрасли качественных ресурсов, генерируемых ВПК. Инструментом такой трансформации он считал конверсию оборонной промышленности. «Смысл

конверсии, — утверждал Ярёменко, — не в том, чтобы использовать оборонные предприятия для производства гражданской продукции, а в том, чтобы попытаться использовать ресурсы, сконцентрированные в оборонном секторе, для реструктурирования всей нашей экономики».

«Специальное оборудование и специальные технологии, которые сейчас имеются в оборонном секторе, конечно же, нужно в основном выбрасывать (как это делали американцы после войны. – В.Ш.), потому что ни на что, кроме изготовления оружия, они не годны». При этом Ярёменко считал необходимым жестко отделить военное производство от гражданского. «Перевод на гражданскую продукцию, — писал он еще в августе 1990-го, — должен осуществляться **целочисленно** (выделено Ю. Ярёменко. — В.Ш.), а не лоскутно». Важнейшим условием успешной конверсии Юрий Ярёменко считал отказ от мобилизационных мощностей и проведение политики экономической автаркии для того, чтобы на переходном этапе оградить конвертируемые предприятия от внешней конкуренции.

Автор этих строк в бытность свою заместителем председателя Государственного комитета РСФСР/РФ по оборонным вопросам отвечал за вопросы конверсии. В интервью газете «Демократическая Россия» я предлагал использовать для целей конверсии мобилизационные запасы и доказывал, что в Советском Союзе имеются «идеальные условия для быстрой и радикальной конверсии». Это интервью заметил Роберт Нейтон, отвечавший в годы Второй мировой войны сначала за мобилизацию, а позже – за реконверсию американской экономики, и поддержал мои высказывания. Нейтон не сомневался, что на конверсию советского ВПК достаточно полутора – двух лет, и выразил готовность выступить консультантом. Он также рассказал, как после войны в Корее он и его консультационная фирма Nathan Associates в течение 10 лет занимались по поручению ООН восстановлением полностью разрушенной корейской экономики. По сравнению с той задачей, заметил он, конверсия советской «оборонки» – сущие пустяки. Приехать в Москву и поделиться опытом американской реконверсии вызвался тогда и первый заместитель министра обороны США Доналд Этвуд.

В статье «О конверсии с оптимизмом», опубликованной в «Демократической России» 3 ноября 1991 года, я предлагал несколько первоочередных шагов. Во-первых, ввести временный мораторий на производство вооружений, благодаря чему сразу произойдет колоссальное высвобождение техники, ресурсов, топлива, электроэнергии и т. д. Во-вторых, изменить всю систему мобилизационной подготовки, сделав ее добровольной для предприятий. Наконец, все предприятия должны выйти из-под опеки министерств, стать по-настоящему экономически самостоятельными.

Разумеется, объявить мораторий на производство и экспорт оружия я предлагал не по пацифистским мотивам, а исходя из того, что руководство предприятий ВПК было озабочено прежде всего проблемой собственного выживания, а не проблемами развития гражданского сектора экономики. Чтобы убедить их в необходимости полной конверсии, следовало продемонстрировать, что возврата к старой привычной жизни не будет. То есть подвергнуть «шоковой терапии» ВПК, а не население, как сделал Егор Гайдар.

Зная о высокой степени засекреченности в сфере мобилизационной подготовки, я с самого начала работы в правительстве полагал, что единственный способ хоть как-то просветить российское руководство о реальном положении дел с мобподготовкой у нас и на Западе – это наладить диалог по данному вопросу путем проведения международных переговоров по типу Венских переговоров о разоружении. Составленная мною докладная записка с таким предложением была направлена от имени Госкомитета президенту Борису Ельцину 19 июля 1991 года. Реакции не последовало.

Не заинтересовало правительство и мнение Этвуда, который, как и обещал, прибыл в Москву в конце октября 1991-го с большой группой

экспертов. По окончании визита он заявил в интервью газете «Коммерсантъ», что не заметил никаких следов конверсии и что в России, как и в СССР, мало кто понимает ее смысл.

В июле 1991 года в Советском Союзе находилась большая делегация японских промышленников (в ее состав также входили несколько экспертов из США) с целью изучения состояния конверсии советского ВПК и оказания консультативной помощи в ее проведении на основе японского опыта после Второй мировой войны. Делегация выполняла поручения Лондонского саммита «Большой семерки» (июль 1990), на котором лидеры стран – членов G7 приняли решение поддержать СССР в осуществлении конверсии.

Однако ни тогдашнее, ни какое-либо другое из последующих российских правительств не воспользовалось ни одной из выработанных японцами рекомендаций, хотя все они остаются актуальными до сих пор. И особенно рекомендация жестко разделить военное и гражданское производство. Сегодня мы по-прежнему не знаем, сколько денег в реальности мы тратим на оборону, довольствуясь тем, что доля военных расходов в бюджете не превышает 2,7 % ВВП. Но реальные военные расходы определяются не по их удельному весу в ВВП или госбюджете, а по упущенным в результате милитаризации возможностям развития экономики. И если посмотреть на минувшие 15 лет под этим углом зрения, то окажется, что наша экономика стала еще более структурно-милитаризованной, чем в советское время.

Фактически повторяется ситуация конца 1980-х — начала 1990-х, когда перепроизводство сырья (сейчас оно приняло денежную форму) привело советскую экономику к краху. Стабилизационный фонд и золотовалютные запасы неудержимо растут, не находя себе применения ни внутри страны, ни даже за границей, разрушая несырьевую экономику и социальную ткань общества. Пока что лишь вывоз капитала и выплаты внешних долгов защищают нас от полномасштабного кризиса перепроизводства образца 1990–1991 годов и срыва в гиперинфляцию.

Выход есть. Надо просто осознать, что вывезенные капиталы и Стабилизационный фонд, а также нефтяные скважины и алюминиевые заводы — это те же доставшиеся нам в наследство от холодной войны мобилизационные запасы, а вовсе не заработанные нами ресурсы, и попытаться найти им более достойное применение.

Выбранный нами путь ведет нас туда, откуда мы начали. Самое время оглянуться и признать, что ошибочными были сами реформы начала 1990-х. Не стоило пытаться перестраивать примитивными псевдорыночными методами такую сложную и уникальную систему, как советская милитаризованная экономика. Ее следовало прежде всего структурно демилитаризовать административным путем, используя для этого всю мощь государства, и лишь затем уже форсированно переходить к рынку. Немало поучительного можно почерпнуть также из опыта послевоенного построения рыночной экономики в Японии, Южной Корее, ФРГ и других странах.

И чем скорее и решительнее будет пройден этот этап, тем быстрее Россия сможет окончательно перейти к свободной и на сей раз реальной рыночной экономике. При этом не исключено, что ввиду всепроникающей коррупции и почти тотального засилья чиновничества России понадобятся самые радикальные методы экономического либерализма, столь незаслуженно скомпрометированного в 1990-е годы.